

ИЗОБЕЛА
КАРР

Соблазненный
одобритель

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

К 26

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Isobell Carr

RIPE FOR SEDUCTION

Перевод с английского *В. И. Агаянц*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора, издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Карр, Изобел.

К 26 Сблззненннй обольститель: роман / Изобел Карр; [пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-082615-5

Леди Оливия Карлоу, чье замужество завершилось громким скандалом, решила покарать домогавшегося ее повесу Роуланда Дивера, а заодно и восстановить свою репутацию в свете, заставив ловеласа сыграть роль жениха.

Бедняжка и не подозревала, что Роулэнд заключил с приятелями, такими же шалопаями, пари: он любой ценой сделает ее своей любовницей! Казалось бы, все благоприятствует планам Дивера — они с Оливией все больше времени проводят вместе, и гордая красавица отнюдь не равнодушна к его чарам, однако очень скоро охотник попадает в собственные сети...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Isobell Carr, 2012

© Перевод. В.И.Агаянц, 2014

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-082615-5

Пролог

На Сент-Джеймс-стрит в Лондоне есть три закрытых клуба для джентльменов, и в каждом из них действуют свои правила. Изо дня в день там собираются благородные господа, которым наскучило заседать в палате лордов и давно приелось заниматься делами поместья или проводить время с семьей. Ряды их непрерывно пополняются первыми сыновьями, бездумно прожигающими жизнь за игорным столом, проматывающими семейные состояния в ожидании кончины отцов. Однако мало кому известно о существовании еще одного общества, тайного, насчитывающего не меньше членов, чем три вышеупомянутых клуба, вместе взятые. Это Лига вторых сыновей.

Ее устав гласит:

«Мы — государственные мужи и дипломаты, моряки и священнослужители, законники и исследователи, искатели приключений и солдаты. Быть может, наши отцы и братья правят миром, но именно мы вершим его судьбы. За верную службу Господу, своей отчизне и народу мы вправе требовать достойной награды.

Сегодня, 17 мая 1755 года, объединившись в священный союз, мы клянемся, не жалея сил, помогать своим

собратьям, поддерживать и защищать их, содействовать успеху их устремлений и начинаний, если помыслы их чисты, а цели благородны.

Дополнение от 14 апреля 1756 года. Согласно настоящему Уставу, всякий негодяй, переживший старшего брата и унаследовавший герцогский отцовский титул, подлежит исключению из Лиги.

Дополнение от 15 сентября 1768 года. Допускается членство в Лиге всех младших отпрысков рода без ущемления их прав в пользу вторых сыновей».

Глава 1

Лондон, апрель 1785 года

Громкий птичий щебет разорвал утреннюю тишину. Роуленд Девир страдальчески поморщился, голова у него раскалывалась. Заслонив лицо согнутой рукой, он отвернулся от яркого солнечного света, вливавшегося в окно.

Никогда не пытайся выпить больше Энтони Тейна. Никогда не заключай пари с лордом Леонидасом Воном. И наконец, никогда не фехтуй с Домиником де Муленом. Вот три правила, которым надлежало бы следовать.

Но прошлым вечером Роуленд нарушил их. Впрочем, по счастью, в иной последовательности. Вечер начался с поединка в зале Анджело, а закончился грандиозной попойкой в доме лорда Леонидаса на Чапел-стрит. Жена Вона удалилась, предоставив мужчин самим себе. Она простилась с ними царственным кивком, не удостоив даже брызжанием.

Чьи-то тихие шаги в соседней комнате заставили Роуленда открыть глаза. Похоже, поблизости кто-то ходил на цыпочках в одних чулках, но слабое поскрипывание половиц раздражало не меньше, чем птичий гомон. По-

жалуй, даже больше. Определенно больше, поскольку приглушенные шаги свидетельствовали о том, что присутствие Роуланда и его плачевное состояние не остались незамеченными.

Девир заставил себя сесть на постели. В голове, не умолкая, стучали кузнечные молоты. Сюртук вздернулся и перекрутился, туго стянув плечи, словно детский свивальник. Роулэнд не без труда одернул его. Он был полностью одет, если не считать туфель, валявшихся под стулом напротив канапе, где он провел ночь. Волосы тяжелой темной волной упали на лицо. Роулэнд отбросил их назад, заправив за уши. Потом безуспешно пошарил в карманах в поисках черной шелковой ленты, которой обычно стягивал буйные кудри. Не оказалось ее и среди диванных подушек.

В последний раз так много портвейна ему случилось выпить во Флоренции. Тогда он проснулся в спальне одного из самых роскошных домов терпимости и, открыв глаза, увидел в бледных утренних лучах стайку омерзительных купидонов, глядящих на него с полога кровати. Их лукавые ухмылки и разнузданные позы заставили его содрогнуться. Гостиная Вона, надо признать, представляла собой куда более приятное зрелище.

Минувшей ночью Роулэнд с приятелями по Лиге вторых сыновей устроили шумный кутеж, всколыхнувший весь Лондон. Развеселой гурьбой прокатились они по городу, толпа их ширилась и разрасталась. Они ввалились в дом к леди Халлам, где проходил пышный бал, ворвались к герцогу Девонширскому в разгар торжественного приема, а затем отправились в облюбованную Лигой кофейню, откуда их выдворили старшие собратья, пожелавшие скоротать вечер в тишине и покое. Остаток ночи друзья провели в гостиной Вона, по крайней мере для Девира ночная эскапада завершилась именно там.

Похоже, на эту комнату никто больше не покушался — ночных гостей не было ни на втором диване, ни на полу.

Роуленд смутно припомнил, как Тейн флиртывал с леди Лигонье, стоя в эркере, но дальше память словно заволокло густым туманом. Возможно, Тейну посчастливилось проводить леди до дома. Тогда ему чертовски повезло. Роуленд, как ни старался, не мог вспомнить, чем завершилась вечеринка. Должно быть, он изрядно набрался, коли друзья даже не смогли отвести его наверх, в одну из спален для гостей.

Роуленд расправил складки сюртука на груди и, больно уколовшись, отдернул руку. Недоуменно нахмурившись, он оглядел себя. Тонкой медной булавкой, какими обычно модистки скалывают дамские платья, к его сюртуку была прикреплена полоска бумаги. Сорвав записку, Роуленд в досаде отшвырнул булавку.

На листке красовалась надпись, сделанная его собственным размашистым пьяным почерком:

«Я, Роуленд Девир, держу пари с лордом Леонидасом Воном на гинею, что обставлю Энтони Тейна и первым затащу в постель леди Оливию Карлоу».

Все трое друзей поставили внизу свои имена. Судя по щегольским росчеркам и завитушкам Тейна, тот явно сохранил трезвость и откровенно развлекался, подписывая сей «документ». Роуленд смял записку в кулаке. Сколько же свидетелей наблюдало эту сцену? Кто успел уйти прежде, чем подвыпившие друзья скатились до пустого хвостовства и шутовских пари? Боже милостивый, о чем они только думали?! Леди Оливия приходилась Вонам близкой родственницей, хотя и не по крови. Сестра сэра Леонидаса сочеталась браком с братом бывшего мужа леди Оливии.

Лицо, формой напоминающее сердечко, ярко-синие глаза под прямыми светлыми бровями, облако пышных белокурых локонов. Роулэнд тотчас вообразил себе леди Оливию в сияющем ореоле света. В свое время эта женщина пользовалась небывалым успехом на ярмарке невест. Богатая наследница и редкостная красавица, она удачно вышла замуж... по крайней мере тогда так казалось.

В минувшем году на долю леди Оливии выпало немало испытаний. Роулэнд невольно оказался посвящен в самые унижительные подробности громкого скандала, которым неожиданно закончилось ее замужество. Если прежде светские джентльмены осыпали незадачливую леди Оливию злыми насмешками, то теперь, когда она вернулась в Лондон, ее неизбежно начнут преследовать назойливые ловеласы, так стая безжалостных гончих устремляется в погоню за лисицей.

При мысли о том, что сам он один из кровожадных псов, готовых вцепиться в несчастную жертву, Роулэнда кольнуло чувство вины, но его тотчас вытеснило волнующее предвкушение близкой победы. Леди Оливию Карлоу нельзя было считать вдовой или падшей женщиной в традиционном понимании этого слова. Ее положение было особым, единственным в своем роде.

Прочитав письмо, доставленное на серебряном подносе вместе с утренней почтой, Ливи почувствовала, как руки похолодели, а по коже поползли мурашки. Слепящая ледяная волна гнева поднялась в ней и ударила в грудь. Ливи замерла, глядя остановившимся взглядом на неровные, прыгающие строки и неразборчивую подпись внизу.

Она знала, что возвращаться в Лондон не следует, это будет ошибкой. Не зря ее одолевало недоброе предчувствие. Но едва ей удалось убедить отца отказаться от

безумной мысли, что она вернется вместе с ним в город после пасхальных праздников, как в игру вступила бабушка. Почтенная леди не поддержала внучку, а заняла сторону графа, впервые с того дня, как браку Оливии настал конец.

Проклятый брак. Ливи ощутила, как желудок стянуло тугим узлом, а к горлу подступила желчь. Замужество Оливии стало самым громким скандалом минувшего года, затмив на шумевшую женитьбу ее бывшего деверя, который сбежал со своей невестой.

Дочери графа не пристало даже знать о существовании двоеженства, не то что оказаться вовлеченной в подобную историю. У Ливи по-прежнему не укладывалось в голове, что мужчина, которого они с отцом так придирчиво выбирали среди ее бесчисленных поклонников, оказался женатым. Да еще на дочери какого-то шотландского торговца ножами. Теперь эта особа благополучно жила в Канаде со своим вторым мужем.

Шелест газеты прервал горькие воспоминания Оливии, заставив ее поднять голову от оскорбительного письма. Отец смотрел на нее поверх полуопущенной «Морнинг пост». Ливи заставила себя поднести к губам чашку и сделать глоток. Остывший чай показался ей ледяным, нерастворенный сахар густо осел на дне чашки, и все же желудок удалось немного успокоить, горечь во рту исчезла.

— Плохие новости? — спросил граф, морща лоб и касаясь бровями края кричаще-яркого домашнего колпака из индийского шелка. Задержав взгляд на колпаке, Ливи невольно улыбнулась. Эта старомодная шапочка выглядела нелепо, не сочетаясь со строгим обликом графа, однако мать Оливии сшила ее сама незадолго до смерти, и отец преданно носил колпак в память о покойной жене.

Ливи покачала головой, наполняя чашку.

— Нет, просто деревенские сплетни от бабушки, — не задумываясь, солгала она. Ложь далась ей легко. Этому искусству она обучилась недавно, в силу необходимости. С тех пор как ее брак был признан недействительным, Оливия не могла говорить правдиво о своих чувствах. Даже с отцом. В особенности с ним.

Граф улыбнулся, его внимание мгновенно перенеслось на текущие новости. Ливи заметила у него на пальцах чернильные пятна. Верный знак, что отец оторвался от письменного стола, чтобы присоединиться к ней за завтраком в малой гостиной.

Филипп Карлоу обладал острым насмешливым умом. Он вел ожесточенные бои в парламенте и выигрывал кровопролитные битвы, не располагая иным оружием, кроме слова. Однако волшебником он не был. Граф не мог, подобно легендарным бардам прошлого, глаголом жечь сердца или песней обращать в бегство вражеские армии. А жаль, подумалось Оливии. Мистер Роулэнд Девир, несомненно, заслуживал строгой отповеди за свое грязное предложение.

Разгладив письмо на столе, Ливи перечитала его, жадно впитывая каждое слово. Почерк Девира показался ей отвратительным. Перо его прыгало и дрожало, разбрызгивая чернила. Вдобавок с краю листка темнел бурый кружок, оставленный, по-видимому, бокалом с вином. Несколько слов расплылись неряшливыми пятнами, но предложение и заключавшееся в нем оскорбление читались отчетливо.

Девир желал выступить в роли жертвенного агнца и выражал готовность сгореть на погребальном костре ее брака. Всякая вдова должна с чего-то начать, рассуждал он. Так почему бы Оливии не начать с него? Самонадежный мерзавец.

Ливи нерешительно повертела в руках кекс, отломилла кусочек и намазала имбирным вареньем. Потом за-

думчиво отправила его в рот. Вот если бы она была вдовой... Вдовы пользуются полной свободой и делают, что им вздумается. Будь Ливи вдовой, она, пожалуй, сочла бы заманчивым подобное предложение. Роулэнд Девир, смуглый, как цыган, и красивый, как падший ангел, мог бы сослужить неплохую службу вдове, желающей поразвлечься.

Однако в нынешних обстоятельствах... Нет, это невозможно. Девир и молодчики подобного сорта нужны ей сейчас меньше всего. А это только начало. Предупреждение. Выстрел в воздух. Отныне Оливия Карлоу — «гнилой товар», особа с подмоченной репутацией, и мужчины, некогда добивавшиеся одной ее улыбки, будут теперь осаждать ее толпами, позволяя себе вольности и рассчитывая на благосклонность, но предлагая взамен жалкие крохи. Вот что ее ожидает.

Ливи проглотила кусочек кекса и откусила еще, наслаждаясь острым вкусом имбиря. Роулэнд Девир — напыщенный, самовлюбленный болван. За свою наглость он заслужил наказание. И не просто наказание, а суровую кару. Она заставит его поплатиться.

Ливи с улыбкой положила письмо в карман. Девир горько пожалеет о своем дерзком поступке. Мало того, его участь послужит назиданием остальным повесам. Оливия Карлоу знала, как укротить негодяя, обратив его бесстыдную выходку себе на пользу.

Глава 2

Когда Роулэнд вошел в холл родительского дома на Беркли-сквер, там царил полная тишина. В воздухе веяло холодом. В отдалении послышался грохот раскрываемых ставней и рокочущий голос кухарки, распекающей судомойку. Приглушенные возгласы «погибло» и

«неуклюжая», донесшиеся из кухни, поведали горестную историю о разбитой посуде и испорченном блюде.

Окунувшись в мягкий дремотный полумрак холла после слепящего блеска улиц, Роуленд испытал огромное облегчение. Ему удалось надеть туфли и выскользнуть из дома Вона незамеченным; свидетельницей его бегства оказалась одна лишь довольного вида служанка. Шляпа Роуленда, равно как и лента для волос, похоже, бесследно исчезли, однако его кошелек потяжелел на добрую сотню соверенов, так что потеря не слишком огорчила.

Эмерсон, дворецкий отца, приветствовал молодого господина, испуганно выпучив глаза, словно загнанный в угол пес. Бросив украдкой взгляд на закрытую дверь гостиной, он предостерегающе кивнул стоявшему в дальнем углу лакею, одетому в зеленую с черным ливрею, и услужливо протянул руку.

— Кажется, моя шляпа решила прогуляться и исчезла в ночи. — Роуленд пожал плечами. — Что поделаешь, таковы превратности войны.

Протянутая рука Эмерсона бессильно упала, так падает подстреленный в воздухе фазан.

— Господа уже позавтракали, но я могу предложить вам закуску, сэр, если вы голодны, — произнес дворецкий, не сводя глаз с закрытой двери. — Может быть, немного ветчины?

Желудок Роуленда болезненно сжался, протестуя.

— Нет, спасибо, не нужно. — Взгляд дворецкого скользнул по лицу Роуленда, но тотчас метнулся к двери в гостиную, словно притянутый магнитом. Девир недолго нахмурился. — Все в порядке, Эмерсон?

— Ее светлость принимает посетителя, — ответил дворецкий тем особым тоном, который обычно предвещал катастрофы вселенского масштаба или визиты особ королевской крови, что, по мнению Роуленда, означало

примерно одно и то же. Но лакей в ливрее определенно не принадлежал к свите короля или принца.

Роулэнд смерил задумчивым взглядом высокие, крепкие двойные двери. Если оставить в стороне таинственного лакея, наиболее вероятным источником неприятностей могла быть сестрица Марго. Недавно овдовев, она вернулась в Англию, готовая пуститься во все тяжкие. Последние десять лет она провела при французском дворе, в Версале, где любовные связи возведены в ранг искусства, а ее муж, граф де Корбевиль, снискал славу истинного виртуоза этой древнейшей игры.

Должно быть, это Марго. Кто же еще?

Забыв о головной боли, Роулэнд отстранил Эмерсона и шагнул к двери, которая бесшумно распахнулась от одного легкого прикосновения. В гостиной матери повисла тишина. Она ударила Роулэнду в уши, словно канонада.

Матушка выглядела так, будто проглотила жабу и та застряла у нее в горле. Ее губы беззвучно двигались, а уложенные согласно моде седеющие волосы дрожали, вздымая легкие, сияющие облачка пудры, похожие на танцующие в утренних лучах пылинки.

Напротив графини сидела леди Оливия Карлоу. Женщина, чье доброе имя стало предметом пари, улыбнулась при виде Роулэнда, не выказывая и тени гнева или укора. Чуть в стороне, возле окна, сквозь которое широким потоком врывался солнечный свет, устроилась в кресле сестрица Марго, одетая в глубокий траур. В неподвижных, словно оцепенелых руках она сжимала рукоделие. Лицо ее не выражало ровным счетом ничего, что, судя по всему, требовало немалого искусства.

Недоброе предчувствие заставило Роулэнда похолодеть. Леди Оливия снова улыбнулась, в ее улыбке сквозило нечто хищное, опасное. Роулэнд тотчас узнал эту гримасу, он не раз видел ее на лице своей сестры. Леди жаждала крови.

Графине Моубрей удалось наконец подавить приступ удушья, она жадно схватила ртом воздух, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

— Простите, дорогая. Не понимаю... я не вполне... вы уверены, что здесь нет никакой ошибки?

— Не думаю, — проворковала леди Оливия пугающе любезным тоном. — Но вот и ваш сын. Уверена, он тотчас разъяснит это недоразумение.

Последнее слово леди Карлоу произнесла с нажимом, будто подчеркивая некий тайный его смысл, и тревога Роуланда сменилась паникой. Черт побери, что он натворил минувшей ночью? Проклятие, во что его втянул Тейн, будь он неладен? Леди Оливия никак не могла знать о пари, но даже если Тейн вздумал подставить Роуланду подножку, рассказав ей о споре, да вдобавок ухитрился сделать это нынче утром, зачем бы леди Карлоу бежать к его матери и выкладывать грязную сплетню?

Роулэнд посмотрел на сестру в надежде, что та хотя бы намекнет, о чем идет речь, но Марго и бровью не поведла, старательно притворяясь, будто занята вышиванием. Она склонилась над пяльцами, пряча глаза, однако на губах ее играла довольная усмешка. Марго откровенно наслаждалась маленькой драмой, разыгрывавшейся в гостиной матери, и это не предвещало ничего доброго.

Поднявшись с кресла, леди Оливия направилась к Роуланду. Синие глаза ее на бледном лице полыхали грозным огнем. Их ледяной взгляд пригвоздил Девира к полу. Розовые губы леди Карлоу изогнулись в улыбке, один уголок рта приподнялся чуть выше другого. Она выглядела слишком самодовольной, уверенной в себе, несокрушимой. Кто знает, к каким уловкам прибегла эта женщина, чтобы выведать правду, но она явно прознала о затеянной Роуландом игре и намеревалась нанести ответный удар.

— Мистер Девир, — ее рука скользнула в узкую прорезь кармана платья и извлекла маленький, аккуратно сложенный листок бумаги, — вы писали или не писали минувшим вечером это очаровательное послание с предложением вступить в брак?

Она протянула письмо, смерив Роуленда строгим, повелительным взглядом. Он выхватил из ее пальцев злополучный листок и перечитал неровные, прыгающие строки, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Леди Оливия впилась в него глазами, на лице ее читались властность и непреклонность. Однажды Роуленду довелось увидеть кобру, ее доставили из Индии на празднество герцогини, чтобы позабавить гостей. Взгляд этой ядовитой твари таил в себе меньше угрозы, чем неподвижный взор леди Оливии, устремленный на него.

— Возможно, — надменно вскинув голову, проговорила леди Карлоу, — леди Моубрей пожелает взглянуть на письмо и рассудить, верно ли я расценила ваше предложение.

Роуленд судорожно сглотнул, стараясь собрать разбегающиеся мысли. Что за игру она затеяла? Неужели леди Оливия действительно хочет выйти за него замуж? Это какая-то бессмыслица. Он всего лишь младший сын, его положение весьма скромно, а доход ничтожен. Он не обладает ни властью, ни громким титулом, способным развеять удушливый запах скандала, окутавший леди Карлоу. Ей нужен лорд, чтобы очистить свое имя. На ее месте Роуленд нацелился бы по меньшей мере на герцога. И выбрал бы особу королевской крови.

— В этом нет нужды, — произнес он сдавленным голосом, складывая записку, нацарапанную спяну, вероятно, на исходе ночи. Ему страстно хотелось смять в кулаке проклятый листок и швырнуть его в огонь. Друзья позволили ему совершить эту безумную глупость, возможно,

даже подстрекали его. Мерзавцы. — Мои намерения выражены вполне ясно, а предложение искренне.

— Я так и подумала. — Выдернув письмо из окоченелых пальцев Роуланда, леди Оливия спрятала его в карман. Улыбка на ее лице сменилась злобной усмешкой торжества. — Быть может, вы проводите меня до дома, когда мы с вашей матушкой допьем чай?

— Да, Роулэнд, — взволнованно заговорила графиня. — Тебе следует немедленно встретиться с лордом Арлингтоном. Где это видано, делать предложение молодой леди, не побеседовав прежде с ее отцом?

В голосе леди Моубрей слышался страх и негодование, словно оскорбление нанесли ей, а не отцу леди Оливии. Возможно, она надеялась, что лорд Арлингтон не даст своего согласия на брак дочери и спасет Роуланда от неминуемого скандала.

Леди Оливия прикрыла ладонью рот, насмешливо глядя Роулэнду в глаза. Откровенный испуг графини явно доставил ей удовольствие. Леди Моубрей перевела взгляд на сына, лицо ее отражало смущение и тревогу.

— Я сама себе хозяйка, — возразила леди Оливия, снова усаживаясь в кресло и расправляя пышные шелковые юбки. Она казалась довольной, словно Панч, который только что одержал победу над Джуди*, осыпав ее градом тумачков и затрещин. — Но полагаю, мой отец разделяет чувства вашей матушки. Уверена, он хотел бы соблюсти все эти мелкие формальности, принятые в цивилизованном обществе, которые отличают нас от дикарей.

Неспешно идя рядом с Девиром, Ливи чувствовала, как напряжена его рука под ее ладонью. Он напоминал молодого жеребца, которого тянут в конюшню, когда ему

* Панч и Джуди — персонажи английского народного театра кукол. — *Здесь и далее примеч. пер.*